

Рассуждая о борьбе городов с феодальными сеньорами, Грановский не упускал из виду, что и освобождающийся город сохранял черты и приметы феодализма. Он подчеркивал замкнутый характер городской жизни (облик средневекового города напоминал «укрепленный стенами» замок) (см. стр. 265—266). Грановский отмечал и присущее городу стремление к сепаратизму: средневековые города еще не сознавали единства своих интересов, но в этом историк видел общее для всего «феодального быта» явление⁷⁴.

В отличие от многих историков Грановский обращал внимание на противоречия, существовавшие внутри города. Он рассказывал о борьбе широких масс городского населения с «патрициатом», отмечал, «что город, освободившись от власти феодальных владельцев», еще не стал свободным: «деспотизм, который прежде принадлежал феодальному владельцу, достался теперь общине»⁷⁵. Представители ее верхушки обирали массы городского населения, ограничивали свободу жизни⁷⁶.

В ухудшении положения широких слоев ремесленников ученый видит и истоки их протеста, сказавшегося в еретических движениях, вспыхнувших в Италии, Франции, Фландрии. Главной социальной средой этих ересей (альбигойцев, вальденсов и др.) он считает, наряду с крестьянством, «недовольных своим положением» беднейших ремесленников⁷⁷. Грановский отмечает и тут скудость источников о народной борьбе: Мы «знаем о гонениях, о бурных восстаниях, но католические летописцы не дали себе труда записать, в чем состояли требования этих классов»⁷⁸.

Неизменный интерес вызывали у Грановского смены исторических эпох. В замечательном по яркости и сосредоточенности мысли черновом наброске конца 1840-х годов он говорил: «Меня влекла к ним (переходным эпохам.— С. А.) не одна трагическая красота, в какую они облечены, а желание услышать последнее слово всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей. Мне казалось, что только здесь можно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле». А в зачеркнутом варианте этого текста Грановский добавил: «Скажу о себе прямо: изучению этих эпох я обязан всем, что в моем понимании истории может быть живого и истинного» (с. 315).

Отпечаток этого «живого и истинного» лежит, как мы видели, на подходе ученого к проблеме падения древнего мира и становления феодализма. В меньшей мере мы ощущаем это, знакомясь с лекциями по истории позднего средневековья — времени, которое в глазах ученого представляло уже «новую историю»: «Может быть, в целой истории человечества нет такой торжественной и

⁷⁴ ОПИ ГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 92.

⁷⁵ Там же, л. 108 об., 109.

⁷⁶ Там же, л. 109.

⁷⁷ Там же, л. 118 об.

⁷⁸ Там же.